

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

О ВОЕННОМ
ИСКУССТВЕ

Никколо Макиавелли
О военном искусстве

«Центрполиграф»

1520

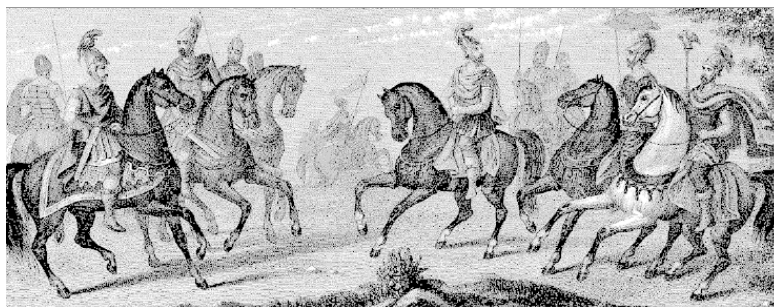
Макиавелли Н.

О военном искусстве / Н. Макиавелли — «Центрполиграф»,
1520

Никколо Макиавелли – известный итальянский философ и политик эпохи Возрождения, занимал во Флоренции пост государственного секретаря, отвечавший за дипломатические связи республики. Его трактат «О военном искусстве» – единственное политическое сочинение Макиавелли, опубликованное прижизненно. Этот труд – одна из лучших книг о военном деле, наравне с «Записками о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря и «Искусством войны» Сунь-цзы. Благодаря глубокому анализу военного дела древних времен и современной автору действительности, а также важным выводам, касающимся организации и применения вооруженных сил, руководство русской армии признало этот труд вневременным и рекомендовало в качестве учебного пособия. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Никколо Макиавелли, гражданин и секретарь флорентийский, читателю	7
Книга первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николло Макиавелли

О военном искусстве

Предисловие

*Никколо Макиавелли, гражданина и секретаря
флорентийского, к книге о военном искусстве,
посвященной Лоренцо, сыну Филиппо
Строцци, флорентийскому дворянину*

Многие, Лоренцо, держались и держатся того взгляда, что нет в мире вещей, друг с другом менее связанных и более друг другу чуждых, чем гражданская и военная жизнь. Поэтому мы часто замечаем, что, когда человек задумает выделиться на военном поприще, он не только сейчас же меняет платье, но всем своим поведением, привычками, голосом и осанкой отличается от всякого обыкновенного гражданина. Тот, кто хочет быть скор и всегда готов на любое насилие, считает невозможным носить гражданскую одежду. Гражданские нравы и привычки не подходят для того, кто считает первые чересчур мягкими, а вторые – негодными для своих целей. Обычный облик и речь кажутся неуместными тому, кто хочет пугать других бородой и бранными словами. Поэтому для наших времен мнение, о котором я говорил выше, – это сама истина.

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина. Всем сословиям, существующим в государстве ради общего блага людей, не были бы нужны учреждения, созданные для того, чтобы люди жили в страхе законов и бога, если бы при этом не подготавливалась для их защиты сила, которая, будучи хорошо устроенной, спасает даже такие учреждения, которые сами по себе негодны.

Наоборот, учреждения хорошие, но лишенные вооруженной поддержки, распадаются совершенно так же, как разрушаются постройки роскошного королевского дворца, украшенные драгоценностями и золотом, но ничем не защищенные от дождя. И если в гражданских учреждениях древних республик и царств делалось все возможное, чтобы поддерживать в людях верность, миролюбие и страх божий, то в войске усилия эти удваивались, ибо от кого же может отечество требовать верности, как не от человека, поклявшегося за него умереть?

Кто должен больше любить мир, как не тот, кто может пострадать от войны? В ком должен быть жив страх божий, как не в том, кто ежедневно подвергается бесчисленным опасностям и всего более нуждается в помощи Всевышнего? Благодаря этой необходимости, которую хорошо понимали законодатели империй и полководцы, жизнь солдата прославлялась другими гражданами, которые всячески старались ей следовать и подражать. Теперь же, когда военные

установления в корне извращены и давно оторваны от древних устоев, сложились те зловещие мнения, которые приводят к тому, что военное сословие ненавидят и всячески его чуждаются.

Я же, по всему мною виденному и прочитанному, не считаю невозможным возвратить это сословие к его древним основаниям и, хотя бы отчасти, вернуть ему прежнюю доблесть. Не желая проводить свои досуги без дела, я решился записать для ревнителей подвигов древности свои мысли о военном искусстве. Конечно, рассуждать о предмете, неизвестном тебе по опыту, – дело смелое, но я все же не считаю грехом возвести себя на словах в достоинство, которое многие с еще большей самонадеянностью присваивали себе в жизни. Мои ошибки, сделанные при написании этой книги, могут быть исправлены без ущерба для кого бы то ни было, но ошибки людей, совершенные на деле, познаются только тогда, когда приведут к гибели царства.

Вы же, Лоренцо, оцените теперь мои труды и воздайте им в своем приговоре ту похвалу или то осуждение, которого они, по вашему мнению, заслуживают. Посылаю их вам, дабы выразить вам свою благодарность, хотя все, что я могу сделать, далеко не соответствует благодеяниям, которые вы мне оказали. Подобными произведениями обычно стремятся почтить людей, прославленных родом, богатством, умом и щедростью, но я знаю, что мало кто может спорить с вами богатством и родом, умом вам равны лишь немногие, а щедростью – никто.

Никколо Макиавелли, гражданин и секретарь флорентийский, читателю

Дабы читатели могли легко понять боевой строй, расположение войск и лагерей, о чем здесь пойдет речь, считаю необходимым показать их наглядно. Поэтому надлежит сперва указать знаки, которыми будут изображены пехота, конница или иные отдельные части войск. Имейте поэтому в виду, что следующие буквы означают:

- о – пехотинцы со щитами;
- п – пехотинцы с пиками;
- х – декурионы (начальники десятков);
- v – велиты действующие (застрельщики);
- и – велиты запасные;
- С – центурионы (начальники сотен);
- Т – командир батальона;
- D – командир бригады;
- А – главнокомандующий;
- S – музыка;
- Z – знамя;
- г – тяжелая конница;
- е – легкая конница;
- Θ – артиллерия.

Книга первая

Я считаю, что каждого человека по смерти его можно хвалить без стеснения, ибо тогда отпадает всякий повод и всякое подозрение в искательстве; поэтому я, не колеблясь, воздам хвалу нашему Козимо Ручеллаи, имени которого я никогда не мог вспомнить без слез, ибо познал в нем все качества, какие друг может требовать от друзей, а отечество – от гражданина.

Не знаю, дорожил ли он чем-либо настолько (не исключая и самой жизни), чтобы охотно не отдать этого для своих друзей; не знаю того предприятия, которого бы он устрасился, если видел в нем благо для отечества. Заявляю открыто, что среди многих людей, с которыми я был знаком и общался по делам, я не встречал человека, душа которого была бы более открыта всему великому и прекрасному.

В последние минуты он скорбел с друзьями о том, что ему суждено было умереть в постели молодым и неизвестным и что не исполнилось его желание принести всем настоящую пользу; он знал, что о нем можно будет сказать только одно – умер верный друг. Однако, хотя дела его остались незавершенными, мы и другие, знавшие его хорошо, можем все свидетельствовать о высоких его качествах.

Действительно, судьба не была к нему настолько враждебна и не помешала ему оставить после себя некоторые хрупкие памятники его блестящего ума: таковы немногие его произведения и любовные стихи, в которых он, хотя и не был влюблен, упражнялся в молодые годы, чтобы не тратить времени понапрасну в ожидании, пока судьба направит его дух к мыслям более возвышенным. Стихи эти ясно показывают, как счастливо выражал он свои мысли и каких вершин он мог бы достигнуть в поэзии, если бы всецело себя ей посвятил.

Теперь, когда судьба отняла у меня такого друга, мне осталось, как кажется, единственное утешение – радостно о нем вспоминать и повторять его меткие слова или глубокомысленные рассуждения. Самое живое воспоминание – это беседа его у себя в саду с синьором Фабрицио Колонной, во время которой названный синьор подробно говорил о войне, большей частью отвечая на острые и продуманные вопросы Козимо.

Я с несколькими общими друзьями присутствовал при разговоре и решил восстановить его в памяти, дабы при чтении друзья Козимо, участники беседы, живее вспомнили о его талантах, а прочие пожалели о своем отсутствии и вместе с тем научились из глубокомысленных слов одного из замечательных людей нашего времени многому, полезному не только для войны, но и для гражданской жизни.

Фабрицио Колонна, возвращаясь из Ломбардии, где долго и с великой для себя славой сражался за короля-католика Фердинанда II Арагонского, будучи проездом во Флоренции, решил отдохнуть несколько дней в этом городе, чтобы посетить его светлость герцога Джулиано Медичи и вновь повидать некоторых дворян, с которыми был знаком раньше. Козимо счел нужным пригласить его к себе в сады, не столько для того, чтобы блеснуть перед ним роскошью, сколько для того, чтобы воспользоваться возможностью долгой беседы с ним и научиться у него разным вещам, которые можно узнать от такого человека, ибо ему представлялся случай провести день в разговоре о предметах, привлекательных для его ума.

Фабрицио явился на приглашение и был с почетом принят Козимо и его лучшими друзьями, среди которых были Заноби Буондельмонти, Баттиста делла Палла и Луиджи Аламани – все молодые люди, ему близкие, страстно увлеченные теми же занятиями, как и он сам; умалчиваю об их прочих достоинствах, так как они ежедневно и ежечасно говорят сами за себя.

По обычаю времени и места, Фабрицио был встречен с величайшим почетом. Когда после блестящего пира гости встали из-за стола, насладившись прелестями праздника, которым большие люди с их умом, постоянно устремленным на предметы возвышенные, уделяют мало внимания, было еще рано, и стояла сильная жара. Чтобы лучше достигнуть своей цели, Козимо,

как будто стараясь укрыться от духоты, увел гостей в самую густую и тенистую часть своего сада. Когда все расселись – кто на траве, которая была здесь особенно свежа, кто на скамьях под тенью огромных деревьев, – Фабрицио стал хвалить красоту места и внимательно разглядывал деревья, но некоторые были ему неизвестны, и он затруднялся их назвать. Заметив это, Козимо сказал: «Некоторые из этих деревьев вам, может быть, незнакомы, но не удивляйтесь, так как среди них есть такие, которые больше ценились древними, а теперь мало известны». Затем он назвал деревья по именам и рассказал о том, как много потрудился над разведением этих пород дед его, Бернардо. «Я так и думал, – отвечал Фабрицио. – Это место и труды вашего предка напоминают мне некоторых князей королевства Неаполитанского, которые тоже с любовью разводили эти породы и наслаждались их тенью». На этом он прервал разговор и некоторое время сидел в раздумьях, а затем продолжал: «Если бы я не боялся вас обидеть, я сказал бы свое мнение; не думаю, что могу вас оскорбить, так как говорю с друзьями и хочу рассуждать о вещах, а не злословить. Да не будет это никому в обиду, но лучше бы люди старались сравниваться с древними в делах мужества и силы, а не в изнеженности, в том, что древние делали при свете солнца, а не в тени, и воспринимали бы в нравах древности то, что в ней было подлинного и прекрасного, а не ложного и извращенного; ведь когда сограждане мои, римляне, стали предаваться подобным вещам, отечество мое погибло». Козимо ответил на это... Но, чтобы избежать утомительных постоянных повторений слов: «такой-то сказал», «такой-то ответил», я буду просто называть имена говорящих. Итак, Козимо сказал:

КОЗИМО. Вы начали беседу, которой я давно хотел, и я прошу вас говорить не стесняясь, как и я без стеснения буду вас спрашивать. Если я в вопросах или ответах буду кого-нибудь защищать или осуждать, это произойдет не для того, чтобы оправдывать или винить, а для того, чтобы услышать от вас правду.

ФАБРИЦИО. А я с удовольствием скажу вам все, что знаю, в ответ на ваши вопросы, а будет это верно или нет – судите сами. Вопросы ваши будут мне только приятны, ибо я почерпну из них столько же, сколько вы из моих ответов; мудрый вопрошатель часто заставляет собеседника подумать о многом и открывает ему такие вещи, о которых он без этих вопросов никогда бы ничего не узнал.

КОЗИМО. Я хочу вернуться к тому, о чем вы говорили раньше, – именно что мой дед и ваши предки поступили бы более мудро, если бы подражали древним в делах мужественных, а не в изнеженности. Мне хотелось бы оправдать моего деда, предоставив вам защищать ваших предков. Не думаю, чтобы в его времена нашелся человек, который бы так ненавидел изнеженность, как он, и так любил суровую жизнь, которую вы восхваляете; тем не менее он сознавал, что ни сам он, ни дети его этой жизнью жить не могут, ибо он родился в том развращенном веке, когда человек, не желающий подчиняться общему правилу, стал бы для всех и каждого предметом порицания и презрения.

Ведь если бы человек, подобно Диогену, летом под палящим солнцем лежал голым на песке, а зимой в самую стужу валялся на снегу, – его сочли бы сумасшедшим. Если бы в наше время кто-нибудь, подобно спартанцам, воспитывал своих детей в деревне, заставлял бы их спать на воздухе, ходить босыми, с обнаженной головой и купаться в ледяной воде, чтобы приучить их к боли и отучить от чрезмерной любви к жизни и страха смерти, – он был бы смешон, и его приняли бы скорее за дикого зверя, чем за человека. Если бы среди нас появился человек, питающийся овощами и презирающий золото, подобно Фабрицио, – его восхваляли бы немногие, но никто не стал бы его последователем.

Так и дед мой испугался нравов, отступил от древних образцов и подражал им в тех вещах, где он мог это делать, обращая на себя меньше внимания.

ФАБРИЦИО. В этой части вы защитили его блестяще, и, конечно, вы правы; однако я говорил не столько об этой суровой жизни, сколько о других порядках, более мягких и более сообразных с привычками наших дней, и мне кажется, что человеку, принадлежащему к числу

первых граждан города, было бы нетрудно их установить. Как всегда, я никак не могу отказаться от примера моих римлян: если взглядеться в их образ жизни и в строй этой республики, мы найдем там много такого, что было бы не невозможно восстановить в гражданском обществе, в котором еще уцелело что-нибудь хорошее.

КОЗИМО. Что же похожего на древние нравы вы хотели бы ввести?

ФАБРИЦИО. Почитать и награждать доблесть, не презирать бедность, уважать порядок и строй военной дисциплины, заставить граждан любить друг друга, не образовывать партий, меньше дорожить частными выгодами, чем общественной пользой, и многое другое, вполне сочетаемое с духом нашего времени. Все это нетрудно воспринять, если только тщательно обдумать и применить верное средство, ибо истина здесь так очевидна, что она может быть усвоена самым обыкновенным умом. Всякий, кто это поймет, посадит деревья, под тенью которых можно отдыхать еще с большим счастьем и радостью, чем в этом саду.

КОЗИМО. Я ни словом не хотел бы возражать против ваших слов и предоставляю это тем, у кого может быть собственное суждение о таких вещах; обращаюсь теперь к вам, как к обвинителю тех, кто не подражает древним в их великих делах, и думаю, что таким путем я ближе подойду к цели нашей беседы. Мне хотелось бы узнать от вас, почему вы, с одной стороны, мечете громы против тех, кто не подобен древним, и вместе с тем сами в своей же области военного дела, стяжавшей вам столь громкую славу, никогда не обращались к древним установлениям и даже не вводили ничего, что хотя бы приблизительно напоминало их?

ФАБРИЦИО. Вы подошли именно к тому, чего я ожидал, ибо вся моя речь требовала именно этого вопроса, и я ничего другого не хотел. Мне, конечно, было бы легко оправдаться, но, чтобы доставить удовольствие вам и себе (благо время нам это позволяет), я хочу побеседовать на данную тему более подробно.

Если люди хотят что-нибудь предпринять, они прежде всего должны со всей тщательностью подготовиться, дабы при удобном случае быть во всеоружии для достижения намеченной ими цели. Когда приготовления произведены осторожно, они остаются тайной, и никого нельзя обвинить в небрежности, пока не явится случай раскрыть свой замысел; если же человек и тогда продолжает бездействовать, значит, он или недостаточно подготовился, или вообще ничего не обдумал. Мне же никогда не пришлось показывать, что я готовлюсь к восстановлению древних устоев военного дела, и потому ни вы, ни кто-либо другой не можете обвинять меня в том, что я этого не исполнил. Думаю, что это достаточно ограждает меня от вашего упрека.

КОЗИМО. Конечно, если бы я был уверен, что случай вам не представился.

ФАБРИЦИО. Я знаю, что вы можете сомневаться, представлялся ли мне случай или нет; поэтому, если вам угодно терпеливо меня выслушать, я хочу поговорить о том, какие приготовления должны быть предварительно сделаны, каков должен быть ожидаемый повод, какие препятствия могут сделать все приготовления бесполезными и уничтожить самую возможность благоприятного случая; словом, я хочу объяснить, почему подобные предприятия бывают одновременно и бесконечно трудными, и бесконечно легкими, хотя это кажется противоречием.

КОЗИМО. Большого удовольствия вы не можете доставить ни мне, ни моим друзьям: если вам не надоест говорить, мы, конечно, не устанем вас слушать. Речь ваша будет, как я надеюсь, продолжительна, и я, с вашего разрешения, хочу в одном обратиться к содействию моих друзей: все мы просим вашего снисхождения, если прервем вас иной раз каким-нибудь, может быть неуместным, вопросом.

ФАБРИЦИО. Ваши вопросы, Козимо, и вопросы этих юношей меня только обрадуют, так как я уверен, что ваша молодость должна возбуждать в вас большую любовь к военному делу и внушить вам большее доверие к моим словам. Пожилые люди с седой головой и застывшей

кровью или ненавидят войну, или закалились в своих ошибках, ибо они верят, что если живут так дурно, как сейчас, то виноваты в этом времена, а не упадок нравов.

Поэтому задавайте мне вопросы свободно и без стеснения; мне это приятно как потому, что я смогу немного отдохнуть, так и потому, что мне хотелось бы не оставить в ваших умах даже тени сомнения. Начну с ваших слов, обращенных ко мне, именно – что в своей области, то есть в военном деле, я не подражал никаким обычаям Древнего мира. Отвечаю, что война – это такого рода ремесло, которым частные люди честно жить не могут, и она должна быть делом только республики или королевства.

Государства, если только они благоустроены, никогда не позволят какому бы то ни было своему гражданину или подданному заниматься войной как ремеслом, и ни один достойный человек никогда ремеслом своим войну не сделает. Никогда не сочтут достойным человека, выбравшего себе занятие, которое может приносить ему выгоду, если он превратится в хищника, обманщика и насильника и разовьет в себе качества, которые необходимо должны сделать его дурным.

Люди, большие или ничтожные, занимающиеся войной как ремеслом, могут быть только дурными, так как ремесло это в мирное время прокормить их не может. Поэтому они вынуждены или стремиться к тому, чтобы мира не было, или так нажиться во время войны, чтобы они могли быть сыты, когда наступит мир.

Ни та ни другая мысль не может зародиться в душе достойного человека; ведь если хотеть жить войной, надо грабить, насильничать, убивать одинаково друзей и врагов, как это и делают такого рода солдаты. Если не хотеть мира, надо прибегать к обманам, как обманывают военачальники тех, кому они служат, притом с единственной целью – продлить войну. Если мир все же заключается, то главари, лишившиеся жалованья и привольной жизни, часто набирают шайку искателей приключений и бессовестно грабят страну.

Разве вы не помните, что произошло в Италии, когда после окончания войны осталось много солдат без службы, и как они, соединившись в несколько больших отрядов, называвшихся «компаниями», рыскали по всей стране, облагали данью города и разбойничали без малейшей помехи? Разве вы не читали о карфагенских наемниках, которые после Первой Пунической войны взбунтовались под предводительством Матона и Спендиона, самочинно выбранных ими в начальники, и повели против карфагенян войну, оказавшуюся для них более опасной, чем война с римлянами? Во времена отцов наших Франческо Сфорца не только обманул миланцев, у которых он был на службе, но отнял у них свободу и сделался их князем, и поступил так только для того, чтобы иметь возможность жить в роскоши после заключения мира.

Так действовали и все другие итальянские солдаты, для которых война была частным ремеслом. И если, несмотря на свое вероломство, они не сделались герцогами Милана, то тем хуже, потому что такого успеха они не добились, а преступления их были не меньшие. Сфорца, отец Франческо, служивший королеве Джованне, вынудил ее сдаться на милость короля Арагона, потому что совершенно неожиданно ее покинул, и она осталась безоружной среди окружавших ее врагов. А сделал он это или корыстолюбия ради, или из желания отнять у нее престол. Браччо теми же средствами старался овладеть Неаполитанским королевством, и помешали ему только поражение и смерть его под Аквилую. Единственная причина подобных безобразий – это существование людей, для которых военное дело было только их частным ремеслом. Слова мои подтверждает ваша же пословица: «Война родит воров, а мир их вешает». Ведь другого дела эти люди не знают. Существовать своим ремеслом они не могут; смелости и таланта, чтобы объединиться и превратить злодейство в благородное дело, у них нет, так что они поневоле становятся грабителями на большой дороге, и правосудие вынуждено их истреблять.

КОЗИМО. Слова ваши почти что уничтожили в моих глазах военное звание, которое казалось мне самым прекрасным и почетным; если вы не объясните это подробно, я останусь неудовлетворенным, ибо если все обстоит так, как вы говорите, то я не знаю, откуда же берется слава Цезаря, Помпея, Сципиона, Марцелла и множества римских полководцев, которых молва превозносит, как богов.

ФАБРИЦИО. Я еще далеко не кончил, так как собирался говорить о двух вещах: во-первых, о том, что достойный человек не может избрать себе военное дело только как ремесло; во-вторых, о том, что ни одно благоустроенное государство, будь то республика или королевство, никогда не позволит своим подданным или гражданам превратить в ремесло такое дело, как война.

О первом я сказал уже все, что мог; остается сказать о втором, и здесь я намерен ответить на ваш последний вопрос. Я утверждаю, что известность Помпея, Цезаря и почти всех римских полководцев после Третьей Пунической войны объясняется их храбростью, а не гражданскими доблестями; те же, кто жил до них, прославились и как храбрые воины, и как достойные люди. Происходит это оттого, что они не делали себе из войны ремесла, тогда как для тех, кого я назвал раньше, война была именно ремеслом.

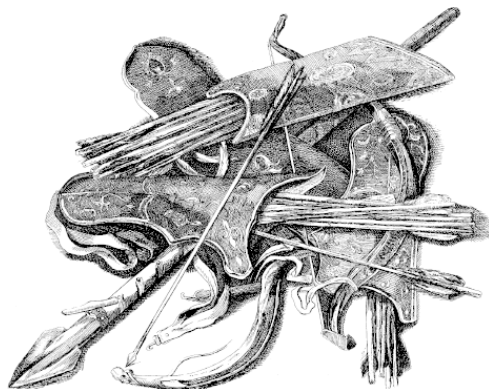
Пока держалась чистота республиканских нравов, ни один гражданин, даже самый гордый патриций, и не думал о том, чтобы, опираясь на военную силу, в мирное время попираť законы, грабить провинции, захватывать власть и тиранствовать над отечеством; с другой стороны, даже самому темному плебею не приходило в голову нарушать клятву воина, примыкать к частным людям, презирать сенат или помогать установлению тирании ради того, чтобы кормиться в любое время военным ремеслом. Военачальники удовлетворялись триумфом и с радостью возвращались в частную жизнь; солдаты слагали оружие охотнее, чем брались за него, и каждый возвращался к своей работе, избранной как дело жизни; никто и никогда не надеялся жить награбленной добычей и военным ремеслом.

Великий и поучительный пример оставил Аттилий Регул; он был начальником войск в Африке, и, когда карфагеняне были почти побеждены, Регул просил у сената разрешения вернуться домой, чтобы обрабатывать свои земли, запущенные его работниками. Ясно как день, что, если бы он занимался военным делом как ремеслом и хотел нажиться этим путем, он, хозяин стольких провинций, не просил бы разрешения вернуться домой и стеречь свои поля; каждый день наместничества приносил бы ему гораздо больше, чем стоило все его имущество. Но граждане эти были люди истинно достойные, не создававшие из войны ремесла и не желавшие себе от нее ничего, кроме трудов, опасности и славы. Поэтому, поднявшись на высшие ее ступени, они с радостью возвращались к своему очагу и жили трудами своими.

Так вели себя самые простые люди и обыкновенные солдаты. Это видно из того, что каждый из них расставался с военной службой без сожаления. Покидая войско, он, однако, всегда готов был вернуться в строй и вместе с тем во время военной службы с радостью думал об освобождении от нее. Подтверждений этому много; вы ведь знаете, что одной из главных привилегий, какую римский народ мог предоставить своему гражданину, была свобода служить в войске только по своей воле, а не по принуждению.

Пока крепки были устои Древнего Рима, то есть до времен Гракхов, не было солдат, для которых война стала бы ремеслом, а потому в войске было очень мало негодных людей, и, если такие обнаруживались, их карали по всей строгости закона. Всякое благоустроенное государство должно поэтому ставить себе целью, чтобы военное дело было в мирное время только упражнением, а во время войны — следствием необходимости и источником славы. Ремеслом оно должно быть только для государства, как это и было в Риме. Всякий, кто, занимаясь военным делом, имеет в виду постороннюю цель, тем самым показывает себя дурным гражданином, а государство, построенное на иных основах, не может считаться благоустроенным.

КОЗИМО. Я вполне удовлетворен всем, что вы сказали до сих пор, и особенно вашим заключением; для республик я считаю его верным, но не знаю, так ли это для королевств. Мне кажется, что король скорее захочет окружить себя людьми, для которых война будет их единственным ремеслом.

В. Холлар. Луки, колчаны и копье

ФАБРИЦИО. Благоустроенному королевству надлежит особенно избегать такого рода мастеров, ибо они погубят короля и будут только служить тирании. Не опровергайте меня примерами современных королевств, потому что я не признаю их благоустроенными. В королевствах, обладающих хорошими учреждениями, у короля нет неограниченной власти, кроме одного только исключения – войска; это единственная область, где необходимо быстрое решение, а следовательно, единая воля. Во всем остальном короли ничего не могут делать без согласия совета, а советники всегда будут опасаться, что около короля появятся люди, которые во время мира хотят войны, так как им без нее не прожить. Однако я готов быть уступчивее; не стану искать королевства вполне благоустроенного, а возьму королевство, похожее на ныне существующие; в этом случае король точно так же должен бояться людей, для которых война есть ремесло; он должен бояться их потому, что жизненной силой всякого войска, без сомнения, является пехота.

Если король не принимает мер к тому, чтобы пехотинцы его войск после заключения мира охотно возвращались домой и брались бы опять за свой труд, он неминуемо погибнет. Самая опасная пехота – это та, которая состоит из людей, живущих войной как ремеслом, ибо ты вынужден или вечно воевать, или вечно им платить, или вечно бояться свержения с престола. Всегда воевать невозможно, вечно платить нельзя – поневоле остается жить в постоянном страхе.

Пока в моих римлянах еще жила мудрость и гражданская доблесть, они, как я уже говорил, никогда не позволяли своим гражданам смотреть на военное дело как на ремесло, хотя могли платить сколько угодно, ибо все время воевали. Римляне стремились избежать опасностей непрерывного пребывания граждан в войске. Так как времена изменялись, они стали постепенно заменять новыми людьми тех, кто уже выслужил свой срок, так что в течение пятнадцати лет легион обновлялся целиком. Таким образом, для войска подбирались люди в цвете лет, то есть от восемнадцати до тридцатипятилетнего возраста, когда ноги, руки и глаза человека одинаково сильны. Римляне не дожидались того, чтобы ослабла крепость воинов и усилилась их хитрость, как это произошло позднее, во времена общего падения нравов.

Октавиан, а за ним Тиберий уже думали больше о собственном могуществе, чем об общественном благе; поэтому, дабы им легче было властвовать самим, они начали разоружать римский народ и держали на границах империи все одни и те же легионы. Однако им казалось, что для обуздания римского народа и сената этого мало, и вот появляется новое войско, получив-

шее название преторианцев. Это войско всегда стояло у самых стен Рима и было как бы крепостью, возвышавшейся над городом. Тогда-то и начали охотно позволять солдатам этих войск обращать военную службу в ремесло, – и последствия этого сказались сейчас же: обнаглевшие солдаты стали грозой сената и опасностью для императоров; многие из последних были убиты зарвавшимися преторианцами, возводившими и свергавшими с престола кого им было угодно. Случалось, что в одно и то же время появлялось несколько императоров, провозглашенных различными частями войск.

Такой порядок привел прежде всего к разделению, а потом и к гибели империи. Поэтому, если король хочет безопасности, он должен составлять свои пехотные войска из таких людей, которые при объявлении войны идут на нее охотно из любви к нему, а после заключения мира еще охотнее возвращаются в свои дома. Он этого всегда достигнет, если будет брать в войско солдат, умеющих кормиться не войной, а другими ремеслами. Поэтому, когда настает мир, король должен позаботиться о том, чтобы князья вернулись к делу управления своими вассалами, дворяне – к хозяйству в своих владениях, пехотные солдаты – к обычным занятиям, и вообще добиться того, чтобы все они охотно брались за оружие во имя мира, а не старались нарушить мир во имя войны.

КОЗИМО. Ваше рассуждение кажется мне очень глубоким, но я продолжаю колебаться, так как слова ваши почти противоположны всему, что я думал до сих пор. Я вижу вокруг себя множество синьоров и дворян, которым знание военного дела позволяет существовать во время мира, например, таких, как вы, состоящих на службе у князей и городов; я знаю также, что почти вся тяжелая конница продолжает получать свое жалованье, а пехота остается на службе для охраны городов и крепостей; поэтому мне кажется, что во время мира каждому найдется место.

ФАБРИЦИО. Мне кажется, вы едва ли сами уверены в том, что любой солдат найдет себе место в мирное время. Если бы даже не было других доводов, можно было бы удовольствоваться указанием на то, что число солдат, остающихся на службе в местах, названных вами, очень невелико: разве есть хоть какое-нибудь соответствие между количеством пехоты, необходимой на войне, и количеством ее во время мира? Ведь гарнизон мирного времени в крепостях и городах должен быть по крайней мере удвоен во время войны; сюда надо прибавить большое количество полевых войск, в мирное время распускаемых.

Что касается войск, охраняющих правительство, то пример папы Юлия II и вашей республики наглядно показал, как страшны солдаты, не желающие учиться никакому ремеслу, кроме войны; ведь дерзость этих воинов заставила вас отказаться от их услуг и заменить их швейцарцами – людьми, родившимися и воспитанными в почтении к законам и призванными общинами по всем правилам настоящего набора. Поэтому не говорите больше, что для каждого найдется место во время мира.

В отношении тяжелой конницы ответ на ваше возражение кажется более трудным, так как вся она и по заключении мира сохраняет свое жалованье. Тем не менее если посмотреть на дело внимательнее, то ответ найти легко, ибо этот порядок сохранения на службе конницы сам по себе вреден и дурен. Дело в том, что все это люди, для которых война – ремесло; будь они только поддержаны достаточно сильными пехотными отрядами, они ежедневно доставляли бы тысячи неприятностей правительствам, при которых состоят; но так как их мало и они сами по себе не могут образовать войско, то и вред от них часто не так уж велик.

Тем не менее они приносили достаточно вреда, как это показывают примеры Франческо Сфорца, его отца и Браччо из Перуджи, о которых я вам уже рассказывал. Поэтому я не сторонник обычая оставлять конницу на постоянной службе, – это дурной порядок, который может привести к большим неудобствам.

КОЗИМО. Вы хотели бы совсем без нее обойтись? А если вы ее все же сохраните, то в какой мере?

ФАБРИЦИО. Путем набора, но не так, как это делает король Франции, потому что принятый там порядок так же опасен, как наш, и не защищает от солдатской разнузданности. Я бы поступал как древние, у которых конница составлялась из их же подданных. Когда заключался мир, конницу распускали по домам и возвращали к обычным делам; впрочем, я подробнее скажу об этом позже. Таким образом, если этот род войск может сейчас даже в мирное время жить своим ремеслом, это происходит лишь от извращенного порядка вещей. Что касается денег, уплачиваемых мне и другим военачальникам, то я прямо скажу, что это вреднейшая мера: мудрая республика не платила бы такого жалованья никому, а во время войны ставила бы во главе войск только своих же граждан, которые по окончании войны возвращались бы к мирным занятиям. Точно так же поступал бы и мудрый король, а если бы он и платил это жалованье, то либо в награду за какой-нибудь особенный подвиг, либо как цену за услуги, которые военачальник может оказать как в мирное, так и в военное время.

Раз вы ссылаетесь на меня, то я и приведу собственный пример и скажу, что война никогда не была для меня ремеслом, потому что мое дело – это управление моими подданными и защита их, а для того чтобы защищать их, я должен любить мир и уметь вести войну. Мой король ценит и уважает меня не столько за то, что я понимаю военное дело, сколько за умение быть ему советником во время мира. Если король мудр и хочет править разумно, он должен приближать к себе только таких людей, потому что чрезмерные ревнители мира или слишком рьяные сторонники войны непременно направят его на ложный путь.

Сейчас я вам на этот счет больше ничего не могу сказать, и если вам этого мало, то вам придется обратиться к собеседнику, который лучше меня сумеет вас удовлетворить. Теперь вы, может быть, начинаете понимать, как трудно применять к современным войнам древние обычаи, как должен готовиться к войне всякий предусмотрительный правитель и на какие обстоятельства он может рассчитывать, чтобы достигнуть поставленных себе целей. Если моя беседа вас не утомляет, то вы шаг за шагом приблизитесь к более точному пониманию этих вещей, по мере того как мы будем подробно сравнивать древние установления с порядками наших дней.

КОЗИМО. Если нам и раньше хотелось узнать ваше мнение об этих предметах, то после всего, что вы сказали, желание наше только удвоилось; мы благодарим вас за то, что уже получили, и просим рассказать нам остальное.

ФАБРИЦИО. Если таково ваше желание, я начну обсуждать этот предмет с самого начала: так я буду более понятен и лучше смогу доказать свою мысль. Всякий, кто хочет вести войну, ставит себе одну цель – получить возможность противостоять любому врагу в поле и победить его в решающем сражении. Чтобы достигнуть этой цели, необходимо иметь войско. Для этого надо набрать людей, вооружить их, дать им определенное устройство, обучить их действию как малыми отрядами, так и большими частями, вывести их в лагерь и уметь противопоставить их неприятелю тут же на месте или во время движения.

В этом все искусство полевой войны, наиболее необходимой и почетной. Кто заставит неприятеля принять бой в обстановке, для себя выгодной, поправит этим все другие ошибки, сделанные им при руководстве военными действиями. Тот же, у кого этой способности нет, никогда не закончит войну с честью, как бы он ни был искусен в других частностях военного дела. Выигранное сражение сглаживает все другие промахи, и наоборот: поражение делает бесполезными все прежние успехи.

Если хочешь составить войско, надо прежде всего найти людей. Поэтому обращаюсь к способу их выбора, как выражались древние, или набора, как сказали бы мы. Предпочитаю говорить «выбор», чтобы употребить слово более почетное.

Писатели, установившие правила войны, предлагают брать в войска жителей стран с умеренным климатом, дабы сочетать в солдате смелость и разум; жаркие страны рожают людей разумных, но не смелых, а холодные – смелых, но безрассудных. Такое правило хорошо для правителя, который властвовал бы над целым миром и мог бы поэтому брать людей из любой

местности, какая ему заблагорассудится. Если же устанавливать правило, годное для всех, то надо сказать, что как республики, так и королевства должны выбирать себе солдат из жителей собственной страны, каков бы ни был ее климат – холодный, жаркий или умеренный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.